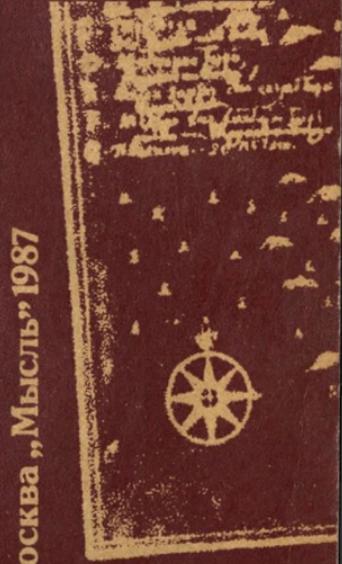

К 63.3(2)
Ш 17 - А

В.Н.Татищев

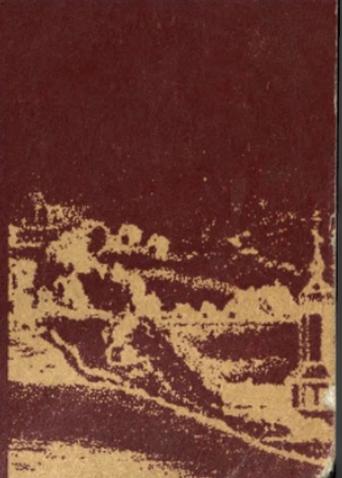

И.М.Шакинко

Москва „Мысль“ 1987

**Замечательные
географы
и путешественники**

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во экз. выдан

29/IV (20) - 492
1999г

2/V - 284

11/VI - 213

2018

13/V - 1001

63.3(2)
Ш 14 - Я

**Замечательные
географы
и путешественники**

И.М. Шакинко

В.Н. Татищев

+ 30230-2
0

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

Москва „Мысль” 1987

ББК 26.8г

Ш17

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент Е. И. НИКУЛИН

Художник А. В. КУЗНЕЦОВ

Ш $\frac{1905020000-094}{004(01)-87}$ 146-87

© Издательство «Мысль». 1987

Введение

И современники, и потомки оценивали научные и служебные заслуги Василия Никитича Татищева неоднозначно. Споры о нем начались еще при его жизни и продолжаются вот уже третье столетие, то затихая, то вновь разгораясь. Нередко высказывались самые противоположные мнения.

И в жизни, и в творчестве он предстает перед нами разным. Иногда кажется, что он соединяет в себе несоединимое. То он предстает человеком, далеко опередившим свое время, то его действия и суждения не выходят за рамки предрассудков тогдашней эпохи. Одни видят в нем гуманиста и убедительно аргументируют это, другие, считая его жестоким даже для той суровой эпохи администратором, приводят не менее серьезные доказательства. Его взгляды иногда не выстраиваются в стройную схему: бывает, что Татищев противоречит сам себе.

Однако при всей противоречивости жизни и творчества Татищева ему присуща определенная цельность и в жизненных убеждениях, и в научных принципах, выработанных при самостоятельном осмыслении мира...

Татищева сформировала Петровская эпоха — время бурных и мучительных поисков, время надежд и разочарований, побед и поражений. Деятельная жизнь Татищева началась вместе с XVIII веком, который бурей ворвался в Россию. Новый век срывал старые одежды и бороды, ломал древние обычаи и предрассудки, рушил привычные формы государственной и частной жизни, будоражил умы новыми идеями и знаниями... Появились беспокойные люди, которыми овладела жажда пере-

делки этого несовершенного мира. Среди них был и Василий Никитич Татищев. Он жил идеями своего времени и почти всегда находился на самом важном и шумном перекрестке жизни...

Среди «птенцов гнезда Петрова» Татищев по духу — один из самых близких царю-преобразователю. Вокруг Петра I много сподвижников, имена которых прочно вошли в русскую историю. Но даже самый деятельный из них — светлейший князь Александр Меншиков — всего лишь талантливый исполнитель замыслов Петра. На Татищеве тоже петровский отблеск, но он светит и собственным светом, он творчески самостоятелен...

За свою жизнь Татищев успел сделать немало. Однако тогдашняя эпоха не приняла многое из того, что предлагал этот неутомимый труженик. Ни один из его главных научных трудов, за исключением небольшой статьи, не был опубликован при его жизни, хотя с рукописями знакомились многие. Далеко не все татищевские проекты, касавшиеся важнейших проблем России, были осуществлены...

Но, несмотря на это, Татищев заметно повлиял на свою эпоху и вышел за ее рамки. По сравнению с предшественниками он сделал шаг вперед, причем зачастую шаг, начинавший новую дорогу во многих областях: истории, философии, географии, горном деле...

Творчество и деяния Татищева изучают самые разные специалисты. По выражению одного из исследователей его научного творчества, С. Н. Валка, появилась целая наука — татищеведение. И все-таки научная и практическая деятельность Татищева изучена еще недостаточно. Больше всего повезло историческим трудам Татищева. Немало исследований посвящено его философским взглядам. Име-

ются многочисленные работы о заслугах Татищева во многих других науках.

О географических трудах Татищева в дореволюционное время упоминалось довольно бегло. Они попали в круг внимания ученых только в советскую эпоху.

Первым серьезный интерес проявил к ним А. И. Андреев, который собрал и в 1950 году опубликовал татищевские «Избранные труды по географии России» со своей вступительной статьей и обстоятельными комментариями. Часть этих географических трудов публиковалась впервые.

Однако до сих пор нам известны далеко не все географические труды Татищева. Наверняка более тщательное изучение архивов пополнит географическое наследство Татищева.

Трудность оценки Татищева как географа не только в том, что исследователям не известна часть его работ. Многие географические факты, добытые им, и географические идеи и суждения как бы «вплелись» в его многие исторические, экономические, философские и иные труды.

Ведь Татищев пытался понять и изучить мир в целом, а не только отдельные его части. Таких людей называют энциклопедистами. И эта энциклопедичность давала Татищеву возможность более широко смотреть на свои ученые занятия, в том числе и на занятия географией. Может быть, поэтому его теоретические взгляды на предмет и задачи географии отличались большей глубиной и сложностью, чем воззрения его современников.

Василий Татищев не имел никаких ученых званий, не был членом Академии наук, но не только плодотворнее, чем многие «академики» и профессора, занимался наукой, но и стал ее организатором. Занимая административные, хозяйственные посты,

например посты главного горного начальника уральских и сибирских заводов, командира Оренбургской комиссии, астраханского губернатора, он широко организовал географические, геодезические, картографические, этнографические и иные исследования. Он давал конкретные и для того времени научно обоснованные задания горным служащим, рудознателям, геодезистам, учащимся школ и т. д.

Он поощрял инициативу в научных исследованиях, награждал тех, кто добросовестно выполнял их. Так, например, в 1735 году Татищев послал в Томский уезд геодезиста Василия Шишкова «для описи тамошних мест и положения на карту, а паче, чтоб старался о древностях находящихся и подземностях обстоятельно уведомать, описать и, где можно, сознаменовывать*». Шишков отлично справился с поручением: ревностно описывал и «куриозным местам учинил чертежи» («Чертежи обретенного в степи Абланского монастыря»).

Татищев, высылая в Академию наук перевод К. Кодратовича «Гелмолдиевой хроники о словах» и составленную Шишковым опись, чертежи и «идолов на холсте», просил академическое начальство наградить переводчика и геодезиста, при этом упомянул, что уже сам выдал в награду Шишкову 50 рублей собственных денег.

На это президент Академии наук Корф наложил резолюцию: «...онья деньги ныне пятьдесят рублей на счет принять; токмо к нему (В. Н. Татищеву.— *И. Ш.*) писать, что Академия на такие чрезвычайные расходы суммы не имеет». А Василий Никитич ответил на такое сообщение в августе 1738 года: «...что же Академия наук о награждении геодези-

---

* Сознаменовывать — зарисовать.

сту Шишкову объявляет, что впредь таких расходов принимать в счет не будет, и о том я не для принятия оных в счет Академии наук представлял, но за такие объявленные им курьозные вещи намерен дать был из моих. И если впредь такие чрезвычайные курьозные вещи кем найдены и объявлены будут, то хотя и Академия наук награждения дать не изволит, но я, не пожалев своих денег, буду давать и в Академию оные сообщать».

Татищев был не только кабинетным ученым, но и, как он сам писал, собирателем географических материалов: «...через непосредственные езды многие места видел и по делам положенным... многие известия в память собрал». Во время своих многочисленных разъездов по стране и за рубежом он внимательно и добросовестно наблюдал, расспрашивал бывалых людей, вел дневники и иные записи, собирал минералогические, ботанические коллекции.

На географию (как, впрочем, и на другие науки) он смотрел с практической точки зрения. Свои географические знания он широко использовал в своей административной деятельности: в горном деле, при выборе места для строительства городов и заводов и т. д.

Подобный подход к географии и иным наукам был потребностью времени — Россия переживала эпоху коренных преобразований. А Татищев чутко прислушивался к нуждам страны и всегда активно откликался на них реальными делами, в том числе и своими географическими трудами. И все-таки в его занятиях географией нет слишком узкого утилитаризма. Татищев не пренебрегал географическими работами чисто практического или справочного характера. Но он оставил после себя не только учебную «Практическую планиметрию», не только почтовую книгу («Дорожник»), не только конкрет-

ные географические проекты (вроде проекта о новых дорогах в Сибирь) и даже не только конкретные географические описания (типа «Общее географическое описание всея Сибири»), но и теоретические труды по географической науке.

Современные ученые считают, что именно Татищев первым из русских ученых рассмотрел теоретические вопросы содержания и задач географии: он первым заинтересовался, например, причинами возникновения географических явлений, стремился увидеть их в историческом развитии, раздумывал о соотношении истории и географии, едва ли не первым в России научно подошел к административному делению страны на губернии...

Советские географы высоко оценивают заслуги Татищева в становлении и развитии русской географической науки. Он утвердил новый взгляд на географию. Он первый (по продуманному плану) начал серьезно собирать географические и другие материалы в монастырях, церквях, архивах, у частных лиц. Он впервые широко применил для собирания географических и иных сведений анкеты, которые рассылались в разные губернии страны. Считается, что его «Предложение к сочинению истории и географии российской» (1737 г.) открыло эпоху всестороннего изучения России. Л. Е. Иофа писал: «Одна только эта анкета («Предложение...». — *И. Ш.*) обессмертила имя В. Н. Татищева в истории русской географической науки». Он первым предложил считать Уральские горы границей между Европой и Азией и убедительно аргументировал свою точку зрения. Он многое сделал для организации картографических работ.

В. Н. Татищева справедливо считают прямым предшественником М. В. Ломоносова во многих областях науки, в том числе и в географии.

Северная война

Весной 1719 года 33-летний артиллерийский капитан-поручик Василий Татищев написал царю Петру письмо, в котором сообщал, что «изобрел весьма потребные способы... к искоренению междуусобных враждеб...», и просил «выслушать прежде на словах в тайности, а потом письменно со всеми обстоятельствами и доводы...».

Петр со вниманием выслушал идею капитан-поручика о размежевании земель в России, ведь земельные споры, приводившие к острым конфликтам, выросли до проблемы национального бедствия. Кроме того, отсутствие четких границ в стране чрезвычайно затрудняло многие преобразования.

В новом письме-представлении на имя царя Татищев, в частности, предлагал свой способ, «како ландкарты, или чертежи земель, сочинять со объявлением угодий, то есть пашни, лесов, рек, озер, болот...».

Переписка и встречи Татищева с Петром вскоре закончились тем, что царь поручил Сенату определить Василия Никитича «к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами...».

На первый взгляд покажется странным, что Петр поручил такое важное и «ученое» дело артил-

В. Н. Татищев

лерийскому офицеру. И все-таки это решение не являлось случайным.

Василий Никитич Татищев родился 19(29) апреля 1686 года и принадлежал к древнему, хотя и обедневшему дворянскому роду. Еще в детстве его определили стольником к царице Прасковье — вдове брата Петра — Ивана. Но началась война со шведами, и в 1704 году восемнадцатилетний Василий Татищев попал в драгунский полк.

Так Василий Татищев надолго расстался с родным домом и с отцом своим Никитой Алексеви-

чем. Много лет спустя Василий Никитич вспоминал: «Родитель мой, отпуская меня с братом в службу, сие накрепко наставлял, чтоб мы ни от чего положенного на нас не отрицались и ни на что сами не назывались».

Всю свою жизнь Василий Татищев действительно ни от каких дел «не отрицался», но на многие дела сам «назывался».

Долго обучать новобранцев было некогда: царь Петр, как всегда, торопил события. Уже в июле 1704 года драгунский полк, в котором служили братья Татищевы, бросили под Нарву. А в августе русские войска пошли на штурм Нарвской крепости. Здесь Василий Татищев, по-видимому, получил боевое крещение.

Драгун Василий Татищев показал себя хорошим солдатом. Уже через год, в 1705-м, он внесен в списки дворян, посылаемых за границу для обучения военному искусству, причем в списке он уже назван офицером Азовского драгунского полка. Наверное, столь быстрое повышение он получил не зря.

Но за границу на этот раз он не попал. В большом сражении при Мурмызе в Курляндии 15 июля 1705 года братья Татищевы получили ранения. После лечения имена братьев (уже в чине поручиков) встречаются в списке среди десяти опытных драгун, отобранных для обучения новобранцев.

В 1706 году умирает Никита Алексеевич. Василий Татищев получает небольшое наследство, но столь незначительное, что рассчитывать ему приходится в основном на служебное жалованье.

В августе 1706 года Василий Никитич в составе нового драгунского полка выступает из Москвы на Украину, участвует в походах и боях.

Пришлось ему участвовать и в Полтавской ба-

тали. В критический момент битвы, когда шведы стали теснить Новгородский полк, царь Петр сам повел один из батальонов в наступление. Рядом с царем оказался и драгунский поручик Василий Татищев. Позднее он вспоминал:

«Счастлив был для меня тот день, когда на поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжал под ядрами и пулями, и, когда, по обыкновению своему, он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненых за Отечество. Счастлив был тот день...»

Уже в первые годы Северной войны Татищев общается с людьми из окружения Петра, заражается их настроением. Атмосфера петровских преобразований пришлась ему по вкусу. Далеко не все выдерживали темп, заданный беспокойным царем. Драгунскому офицеру Татищеву нравится постоянная деловая спешка, дух веселой озабоченности. В центре всех забот, этой бурлящей жизни он видит царя Петра, а иногда лично с ним общается. Возможно, первая такая встреча произошла еще в конце 1706 года в Москве.

По служебным надобностям Василий Никитич побывал в Польше, на Украине, около Азова, в Крыму, на Дунае и Пруте...

В 1712 году его повысили в чине и отправили «за моря капитаном для присмотрения тамошнего военного обхождения».

Но вскоре драгунский офицер Татищев переходит в артиллерию. Эта служебная перемена связана со встречей с человеком, которому суждено сыграть важную роль в судьбе нашего героя.

Яков Брюс был потомком шотландских королей. Его отец еще при Кромвеле бежал в Россию и дослужился в русской армии до полковника. Здесь в Москве и родился Яков Вилимович. Рос-

книги по астрономии и фортификации, трактаты по механике и математике, составлял словари, писал предисловия и редактировал переводы по разным наукам, в том числе и по географии.

Вот с таким человеком и свела судьба Василия Татищева. При каких именно обстоятельствах они сблизились, неизвестно, но Брюс решил перевести драгунского офицера в свое артиллерийское ведомство. С этим решением и была связана первая заграничная поездка Татищева. А в 1713 году он снова едет за границу вместе с Брюсом и почти четыре года путешествует по европейским странам, лишь на некоторое время возвращаясь в Россию.

В марте 1716 года, завершив учебу на «инженерство» и выполнив разнообразные поручения, он приезжает в Петербург, где держит экзамен и «написан» в артиллерию. В мае того же года он получает чин инженер-поручика артиллерии «для того, что он, будучи за морем, выучился инженерному и артиллерийскому делу...». Он числится в полку Главной полевой артиллерии, но фактически становится чем-то вроде офицера для особых поручений при Якове Брюсе. По его поручению он составляет «Практическую планиметрию», работает над книгой по машиноведению, руководит строительством Оружейного двора...

В 1717 году, выполняя поручение Брюса, он едет в Кенигсберг, потом в Тарушь и Гданьск и в октябре возвращается снова в Петербург.

В конце 1717 года получает чин капитан-поручика, а в начале 1718 года вслед за Яковом Брюсом выезжает на Аландские острова, где должны начаться переговоры о мире со шведами. Брюс, которому Петр поручил возглавить эти переговоры, посылает Татищева осмотреть Аландские острова для выбора места конгресса...

В годы Северной войны Василий Татищев не только воевал, не только стал профессиональным военным, но и приобрел нечто большее. Яков Брюс ввел его в мир европейской науки, заразил его страстью к познанию мира. Вместе с Брюсом Татищев посещал королевскую библиотеку в Берлине, встречался с учеными и мастерами разных ремесел, видел новые приборы и машины...

Он очень много читает, покупает книги и в России, и в европейских городах. Он приобретает книги не только по военному делу, фортификации, инженерии, но и по географии, философии, истории, астрономии... Во время заграничных поездок на Татищева словно обрушилась лавина научных знаний о мире, накопленных Европой. В XVII веке один за другим открыты новые законы физики, химии, математики, астрономии, геологии... Картина мира представлялась еще довольно примитивно: она сводилась лишь к механической модели. Но это была новая по тем временам картина мира. И кроме того, человек впервые столь поверил в себя, в свой разум, которому, как стали считать, подвластно все и для которого нет ничего невозможного.

Открыв для себя философию рационализма, Татищев был ошеломлен. Оказывается, можно понять все в этом таинственном мире. В нем все устроено по определенным законам и правилам: лист дерева и человеческое тело, машина и вселенная... И все это открыл человеческий разум. Со страстью фанатика Татищев поверил в его чудотворную силу, ту силу, с помощью которой можно овладеть миром.

Отныне и до конца своей жизни Василий Татищев будет петь гимн разуму, науке, учению, просвещению. Для него человек, овладевший разумом,

т. е. посвятивший себя наукам,— «равно как бы всея земли владетель».

Татищев стремился познать мир в целом, комплексно, как сказали бы мы сегодня. Но одной из главных наук он считал географию. Даже историю, которой он уделил наибольшее внимание, он считал только «качеством», т. е. частью географии.

Татищев наверняка знал совет Лейбница царю Петру: «...сделать точное описание страны для того, чтобы узнать ее нужды». Да, собственно, и без этого совета в России уже занимались географическими работами. Немало для русской географии сделал Яков Брюс. Уже после Азовского похода 1696 года он составил «Географическую карту частей Малой и Великой России». По инициативе Брюса и под его наблюдением перевели на русский язык и напечатали географические труды Бернарда Варения, Иоганна Гюбнера и других зарубежных географов.

Василий Никитич вспоминал, что Брюс, «будучи некогда в Сенате, с великим сожалением приметил, что за недостатком обстоятельной Российской географии и ландкарт немалое к правильным разсуждениям и определениям препятство явилось, а ис того и немалый государству вред приключался...». В 1715 году Яков Брюс подал царю представление, «дабы чрез геодезистов ландкарты всех уездов поделать и от всех городов потребные известия для сочинения обстоятельной географии собрать...».

Наверняка это «представление» (пока еще не найденное в архивах) Брюс написал по заданию царя. Как известно, Петр не только придавал важное значение географии, но и занимался сам геодезическими съемками, составлял инструкции для геодезистов, «сочинял» ландкарты, завел в Москве печатание карт, знакомился с техникой их грави-

рования, повелел готовить геодезистов в Морской академии и т. д.

Подготовка географического описания и карт — тема неоднократных разговоров Петра и Брюса. Именно Якову Вилимовичу и поручил Петр все географические работы. И хотя Брюс, как пишет Татищев в своей «Истории Российской», был «немало отягосчен» другими важными делами, «оба же по ревности своей к отечеству, между оными уделяя время, прилежал обстоятельную русскую географию сочинить, в чем я ему по возможности спомосчествовал». Но после Аландского конгресса «прибыл в Санкт-Петербург, видя, что ему за присутствием в Сенате, в тайных советах и объявленных канцеляриях на оное времени недостает, прилежно меня к сочинению онаго поохочивал иставлял; но как я для скудости во мне способных к тому наук и необходимо нужных известей осмелитца не находил себя в состоянии, так ему, яко командиру и благодетелю, отказатьца не мог, оное в 1719-м от него принял...».

Не принять этого поручения нельзя, ибо оно не только Брюса, но и самого царя. Конечно, о полной подготовке Татищева для написания русской географии говорить не приходится. И все-таки Василий Никитич был подходящей кандидатурой для занятия географией. К этому времени он прочитал многие труды древних и новых географов. Об этом свидетельствуют книги, которые он покупал в зарубежных поездках и которые с его пометками хранятся в областном музее Свердловска. Знаком он был с практикой и теорией межевания.

И в этом немалая заслуга его отца — Никиты Алексеевича Татищева, который дал своим сыновьям солидное для той эпохи домашнее образование. Старших сыновей — Ивана и Василия — учил, в

частности, некий Иоганн Ордорф, который среди прочих наук неплохо знал астрономию, межевание и картографию. И сам Никита Алексеевич, хотя и числился на военной службе, не только был отличным знатоком артиллерийского дела, но и хорошо рисовал, великолепно делал чертежи крепостей и разных местностей и в конце XVII века считался опытным межевщиком и геодезистом (профессия для того времени редкая).

Так, в 1691 году Никита Татищев по поручению Поместного приказа выезжал в Дмитровский уезд «для розыску, меры, межевания и учинения чертежа в поземельном споре Богоявленского монастыря». Никита Алексеевич составил ландкарту уезда и размежевал монастырские, дворянские и крестьянские земли.

А осенью 1696 года, когда получили известие о занятии русскими войсками Азова, Никите Татищеву приказали немедленно «ехать со всевозможным поспешанием для строения в Азове, Лютике и Таганроге всяких крепостей». Ротмистр Никита Алексеевич Татищев не только строил крепости и гавани в Азове и Таганроге, не только отбивал набеги татар и турок, но и занимался картографией. Вскоре после взятия Азова под руководством генерал-майора фон Менгдена была создана карта отвоеванных у турок земель. Вымерять и описывать новые земли для карты помогал Никита Татищев. Примерно в это же время другую карту, изображавшую русские земли на юг от Москвы до Малой Азии и Крымской Татарии, сочинил по материалам Менгдена капитан артиллерии Яков Брюс. Предполагают, что обе карты, отпечатанные на голландском языке у Иоанна Тиссинга, имелись у Никиты Алексеевича и их мог видеть его сын Василий.

Очевидно, свой опыт в межевании и геодезии

Никита Алексеевич сумел передать сыну Василию. После смерти отца (в 1706 г.) несколько лет подряд тянулся раздел наследства между Василием Никитичем, его братьями, сестрой и мачехой. Земли между ними размежевывали несколько раз. Практические работы по размежеванию, видимо, как самый опытный в этом деле, взял на себя Василий Татищев.

И наверное, не случаен тот факт, что первой крупной работой Василия Никитича после его возвращения из-за границы в 1716 году стало составление «Практической планиметрии» для межевщиков. Позднее он вспоминал, что поначалу работу над «Практической планиметрией» Петр I поручил Якову Брюсу, а тот, занятый другими делами, передал ее Татищеву. Очевидно, выбор Брюса был не случаен.

Василий Татищев энергично взялся за работу и, по его словам, «довольно было сделано», хотя завершить «Планиметрию» по каким-то обстоятельствам не удалось. В архиве сохранилось несколько татищевских тетрадей объемом около 130 листов. Однако главное было сделано, и через тридцать лет Татищев рекомендовал тогдашнему президенту Академии наук Кириллу Григорьевичу Разумовскому опубликовать свои давние записи, ибо они могут принести пользу «действующей геометрии». Пользу публикации он видел в том, что «у нас великие вражды, беспокойства, смертные убивства, крайняя разорения немощим от сильных, недоборы в казенных податях от неразмежевания земель происходят, а хотя межевщики часто для размежевания посылаются, но такие, которые ничего о геометрии не знают, ово от неведения, ово от принуждения сильных, или по страсти межуют, как хотят; а хотя и геодезисты посылаются, но и те поль де-

лити не учены и обидят людей или разоряют по их воле».

Здесь, как и во многих других случаях, Татищев один из источников зла видит в невежестве, в необразованности. Поэтому он надеялся, что его «Планиметрия» поможет оградить людей от злоупотреблений «сильных».

«Практическая планиметрия» Татищева была не просто учебным пособием для межевщиков. С ее помощью он собирался решить и некоторые социальные проблемы, например лучше осуществить податную реформу. В том же письме к К. Г. Разумовскому Василий Никитич вспоминает, как на поданное им в 1719 году представление Петр I «изволил довольно рассудить, что без уравниения и размежевания земель оные (подушные подати.— *И. Ш.*) уравнительны и постоянны быть не могут, повелел мне о том наказ со всеми обстоятельствами сочинить и для обучения землемеров геометрию делать, которое, хотя в отлучках моих продолжилось и ко окончанию привести времени недостало...».

Так через способ правильного межевания Татищев пытался повлиять на упорядочение системы земледелия и податного обложения в стране. От межевания потянулась нить к составлению географии России.

Итак, в 1719 году Василий Татищев с увлечением принялся за новое дело. Он собирает географические книги, и особенно те, в которых говорилось о России, получает доступ к собраниям рукописных карт Петра и Сената, изучает «известия», полученные от Брюса.

По требованию Петра он составляет подробный план работы над географией и ландкартами. План этот одобрен Петром. Очевидно, с этим татищевским планом и связан именной указ Петра от 9 де-

кабря 1720 года, по которому «велено обучивших в здешней академии геодезию и географию послать в губернии для сочинения ландкарт...».

Во всех своих делах Татищев обстоятелен и добросовестен. Он не умеет, не может плохо работать. Собрав все имеющиеся материалы для географии, он видит, что их недостает для «обстоятельного» сочинения. А ведь с самого начала он ставит перед собой обширные задачи. «...Первое мое предприятие,— вспоминал он позднее,— было о сочинении географии с таким распределением, чтоб о каждом пределе мафематическое, физическое и политическое состояние от истории древнее, среднее и настоящее изъяснить...»

И вот тут-то Татищев «в самом начале увидел, что оную (т. е. географию.— *И. Ш.*) из древнего состояния без достаточной древней истории и новую без совершенных со всеми обстоятельства известей начать и производить невозможно, ибо надлежит вначале знать о имени, какое оное языка, что значит и от какой причины произошло. К тому же надлежит знать, какой народ в том пределе издревле обитал, как далеко границы в которое время распростириались, кто владетели были, когда и каким случаем к России приобсчено. На сие требовалось обстоятельной русской древней истории...».

Но русской истории тоже еще не написано. Татищев стал советоваться с Брюсом. Яков Вилимович «разсудил», что нужно обратиться к древним русским летописям, и, взяв из личной библиотеки Петра так называемую Нестерову летопись, отдал ее Татищеву.

Так в это время судьба его делает неожиданный поворот...

10 декабря 1719 года опубликовали Берг-при-

Яков Брюс

вилегию, в которой говорилось: «Российское государство пред многими иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы, паче же не так употреблены были, как надлежит». Берг-привилегия взывала «ко всем и каждому» и призывала «искать, плавить, варить и чистить всякие металлы...».

Берг-коллегия и ее президент Яков Брюс наметили новые работы на Урале и исследования его рудных богатств. Решили послать на Каменный Пояс группу горных специалистов. Но людей, как всегда, не хватало. А во главе группы нужно поставить надежного и энергичного человека. Выбор

Брюса пал на Василия Татищева. Петр именным указом от 23 января 1720 года подтвердил выбор президента Берг-коллегии.

Василию Татищеву 9 марта объявили указ коллегии: ехать ему «в Сибирскую губернию на Кунгур и прочие места для осмотра рудных мест и строения заводов...».

После недолгой подготовки в мае 1720 года Татищев вместе с берг-мейстером И. Ф. Блиером, берг-шрейбером Иваном Патрушевым, несколькими рудознатцами, четырьмя артиллерийскими учениками отправился в путь из Москвы на Урал.

На Каменном поясе

На Урале Татищев занялся самыми разными делами. Нужно было разобраться с жалобами рудознатцев на воевод и приказных людей, которые чинили «противности» поискам руд. Кроме следственных дел указ Берг-коллегии требовал от него «осмотра рудных мест и строения заводов...».

За время своей военной жизни Василий Татищев объехал север, запад и юг России. Теперь он впервые приехал на восток, в край, с которым будет связана значительная часть его жизни.

Как первый горный начальник, Татищев сделал очень много. Он создал в Уктусе Сибирское горное начальство, начал планомерные поиски рудных месторождений, наметил расширение старых заводов, выбрал места для строительства новых...

В первый же год Василий Никитич объездил почти весь Средний Урал. Из Кунгура он поехал на Каму и поднялся до Соликамска. Из Уктусского завода, куда он переехал в самом конце 1720 года, совершил поездки на Невьянский, Алапаевский, Каменский заводы, на ярмарку в Ирбит, на Уткинскую пристань по реке Чусовой, в Тобольск, Верхотурье и другие места.

Его разъезды по Уралу — это не просто деловые командировки, а настоящие экспедиции по всеохва-

тывающему изучению края, его природы, климата, быта и нравов местного населения. Он собирает коллекции минералов и растений, ведет подробные дневники... Он чувствует себя на Урале не как чиновник, пусть даже усердный и исполнительный, а как представитель петровского государства, как хозяин земли русской, которому до всего есть дело.

Татищев не забывает и о занятиях географией. Прежде всего он намечает составление ландкарт разных районов Урала.

Еще перед отъездом в Кунгур 14 апреля 1720 года он пишет Брюсу из Москвы, что видел у пленного шведского офицера ландкарту Казанской губернии, на которой изображена также «и часть облегающих народов Перми...». Эта карта, по мнению Татищева, «довольно исправно сделана, с разделением градусов долготы и широты. И иной (шведский офицер.— *И. Ш.*) требует за нее десяти рублей, чтоб счертить она. Без позволения вашего превосходительства таких денег дать не смею. И ежели меньше возьмет, то заплачу своих и оную удержку до указа. Понеже не токмо города, но и деревни многие назначены, в которых мне быть...».

По приезде на Урал Василий Никитич прослышал, что некоторые пленные шведы занимаются здесь картографией. Он сразу же обращается в Берг-коллегию с просьбой поручить ему «сыскать» среди шведов «географа и ландкарту велеть ему сделать добрым порядком и с прямым размером, где бы назначены были знатные города и всякие заводы и рудные места...».

После посещения Соликамска, 14 сентября 1720 года, Татищев сообщает в Берг-коллегию: «...уведомился я, что в Сибири есть из шведских арестантов искусный географ, который может сделать добрую ландкарту. Повелите ли его призвать

и дать ему жалованье, дабы сочинил здешним местам...»

Получив разрешение, в январе 1721 года горный начальник вызвал пленного шведа Шульца из Соликамска в Уктус и поручил ему составить карты земель Уктусского, Алапаевского и Невьянского заводов, «дабы государственная Берг-коллегия о положении мест, озерах, болотах, лесах и других местах лучшее известие могла иметь».

Весной 1721 года Шульц выехал на топографические съемки. Когда он приехал в Невьянск, то Демидовы запретили ему осматривать земли своих заводов, отказались дать подводы и не позволили крестьянам наниматься ему в проводники.

В конфликт этот вмешался горный начальник, и первые карты земель уральских заводов были составлены. Подлинники их и сейчас хранятся в ЦГАДА, в фонде Берг-коллегии.

Посылая рудознатцев на поиски новых рудных мест, Татищев требовал описания и чертежа местности, где открыто месторождение. Так, например, 3 июля 1721 года он приказал: «Да послать на речку Пышму, да на Ирбеть реку для осмотра рудных мест шихтмейстера Карташева с учеником... и велеть оные рудные места... осмотреть и описать обстоятельно и сделать оному чертеж».

Географические знания Василий Никитич использовал в своих практических деяниях. Довольно долго он выбирал место для будущей горной столицы Урала. Кунгур, где до него находилась горная канцелярия, он отверг, потому что главные рудные месторождения находились не на западном, а на восточном склоне Уральских гор. Уктусский завод, по его мнению, не имел будущего, ибо построен на мелководной речке.

В начале января 1721 года горный начальник

вместе с русскими мастерами и пленными шведами осматривал берега реки Исеть. «Ездил по оной реке места осматривать,— писал он в Берг-коллегию,— и хотя за зимнею погодою основания земли видеть не можно, однако ж обрели отсюда (т. е. от Уктуса.— *И. Ш.*) в шести верстах место положением берегов и довольством лесов весьма удобно, та-кож и руда ближе, нежели здесь, а по рассуждению мастеров возможно на оном месте построить четыре домны и сорок молотов...»

Поскольку Татищев собирался строить не только новый крупный завод, но и горный центр, то выбор места на Исети он обосновывал и другими, так сказать, стратегическими соображениями и географическими условиями. Место это находится «посредине всех заводов», не только нынешних, но и будущих. Приводил он и еще один аргумент.

«А весною отсюда,— писал горный начальник в Петербург,— во всю Сибирь Исетью, в Казань Чусовую и вниз Камою; к городу Архангельску — Камою вверх и потом Килтмою в Вычегду — весьма купечеству путь свободный...»

Этим северным водным путем Татищев предполагал также вывозить железо и медь в Архангельск, а из Архангельска — за границу. Правда, на север путь был не совсем «свободный». Но у Василия Татищева созрел проект, который не мог возникнуть без определенных географических познаний.

В начале 1721 года Татищев Брюсу и Берг-коллегии сделал предложение, которое в коллежском экстракте выглядело так: «От пленных-де шведских офицеров, живших в Соликамске, слышал он (*Татищев.— И. Ш.*), что на Севере оттуда есть озеро, из которого вышли две реки Кильтмы, из коих одна потекла на юг, в Каму, а другая на се-

вер, в Вычегду, впадающую в Северную Двину, и что весною из одной Кильтмы в другую свободно проходят суда с грузом четвертей по 50 хлеба. Шведы говорили, что если на версту или не более двух почистить мхи и сделать три или четыре шлюза, то все лето с добрыми судами проход будет свободный...»

Этот водный путь соединил бы Белое море с Каспийским и Черным морями. Проект Татищева был осуществлен только в первой половине XIX века, когда построили между речками Вычегдами Северо-Екатерининский канал.

Учитывая выгодное географическое положение будущего Екатеринбурга, Татищев предлагал перенести сюда ярмарку из Ирбита или открыть здесь новую. Он предлагал также отказаться от главной дороги в Сибирь через Верхотурье и провести новую через Кунгур, Уткинскую слободу на реке Чусовой и Уктус. Новая дорога была бы и удобнее и короче. Этот проект Татищева тоже был реализован позднее.

Исторический опыт показал, что Василий Никитич, учитывая географические и другие условия, прозорливо выбрал великолепное место для горной столицы. Первым главным городом Урала стала Чердынь, но после XVI века она уже потеряла свое главенствующее положение. В настоящее время Чердынь — самый маленький город Пермской области. В XVII веке столицей Северного и Среднего Урала стал город Верхотурье. История тоже «обидела» этот город — сегодня он лишь административный центр небольшого района. А Екатеринбург (с 1924 года — Свердловск) вот уже почти три столетия является одним из крупнейших городов Каменного Пояса.

«Удачливость» города на Исети заметил еще в кон-

це прошлого века писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. «По народной примете,— писал он,— счастливые люди рождаются в сорочке, и мы позволяем перенести это сравнение на Екатеринбург, который в ряду других русских городов занял с первого дня своего появления на божий свет совершенно исключительное место. Возникновение Екатеринбурга связано в нашей уральской летописи с именем первого русского историка В. Н. Татищева — этот последний выбрал и место для города, и служил для него как бы крестным отцом. В пестрой среде русских городов Екатеринбург является действительно «живым узлом», особенно по сравнению с другими городами, историческая роль которых, как сторожевых, военных или торговых пунктов, давно кончилась. Жизнь обошла их и создала свои новые «живые узлы»».

Еще в 1720 году, добираясь до Соли Камской, на берегу Камы при впадении в нее речки Егошихи, Татищев выбрал место для нового медеплавильного завода, потом «сочинил» чертеж крепости и заводских строений, а летом 1723 года руководил стройкой... Прошло немногим более полувека, и 16 ноября 1780 года Екатерина II подписала указ: «Уважая выгодность положения Ягошихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города, мы повелели... согласиться со владельцами того завода об уступке оного в казну... И... через сие предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименовав оный город Пермь...»

Сегодня Пермь — тоже один из крупнейших городов Урала.

Забегая вперед, отметим, что горный начальник Татищев стал «виновником» появления и Челябинской крепости, которая тоже построена по его про-

екту 1736 года. Чертеж этой крепости с автографом Василия Никитича хранится в ЦГАДА. А через год он принял самое активное участие в выборе места для Оренбурга.

Таким образом, четыре современных самых крупных города Урала связаны своим рождением с именем Василия Татищева.

Кроме заводских забот горный начальник с увлечением занимается самыми разными исследованиями. Он тщательно осматривает Кунгурскую пещеру, «нарочито посылает чертеж учинить» и довольно правильно объясняет ее происхождение процессами, впоследствии названными карстовыми. Он одним из первых всерьез заинтересовался мамонтами, кости которых находили тогда во многих местах Урала и Сибири. Свои наблюдения и выводы он позднее изложил в статье «Сказание о звере мамонте».

Будучи в Tobольске, Татищев снял копию с «Книги Большому чертежу» и позднее написал к ней свои комментарии.

Вполне возможно, что в Tobольске или других местах Василий Никитич встречался с Ремезовым, Мессершмидтом, шведом Таббертом (Страленбергом), занимавшимися изучением Сибири.

Василий Татищев изучает Урал не глазами холдного исследователя. Его заботит и настоящее и будущее Урала. Он не только строит заводы, но и заботится об охране природы. Вот одна из записей его дневника при объезде заводов: «Усмотрено, что во всех этих местах... леса на дрова без надлежащей бережи рубят... Дело дойдет до того, что лесов ни в пятьдесят лет дожидаться надежды нет». В 1721 году он с тревогой доносит Берг-коллегии: «Меня ничто так не страшит, как беспорядочные поступки с лесом и великое небрежение...»

Одна из десяти глав «Наказа» Татищева заводским комиссарам называлась «О хранении лесов». А когда Василий Никитич приехал в Екатеринбург в 1734 году и увидел, что домы «пожирают» окрестные леса, то он закрыл доменное производство и издал грозный указ, запрещающий под страхом смертной казни рубить леса вокруг Екатеринбурга. Этот указ после него повторяли и другие горные начальники. Сегодня город Свердловск среди других миллионных городов страны обладает лучшим кольцом лесопарков. Так прошлое откликается в настоящем...

Василий Татищев увлекся Уралом и Сибирью и собирался остаться здесь надолго, чтобы осуществить свои обширные планы. Но судьба уже готовила ему очередной поворот.

Поднимая казенное горное дело, горный начальник неизбежно должен был столкнуться с Демидовыми. Крепко ухватились Никита Демидов и его старший сын Акинфий за Каменный Пояс. Почти двадцать лет до приезда Татищева демидовские люди искали руду, ставили заводы, мостили дороги — обживали пустынные земли. Хозяйничали Демидовы далеко не всегда по закону. Но все сходило им с рук. Стране нужен был металл, и они давали его. Давали больше, чем хилые казенные заводы, и гораздо лучшего качества. Потому и награждал царь Петр Никиту Демидова новыми привилегиями. Воеводы не имели права вмешиваться в их дела, и они почувствовали себя некоронованными королями Урала.

Но приехал капитан Татищев, стал энергично поднимать старые казенные заводы, строить новые и над демидовскими заводами начал устанавливать свой контроль, пресекать беззакония. Акинфий Демидов попытался подкупить горного начальника,

но Татищев взятку «презрел». И началась схватка двух «хозяев» Урала, схватка то явная, то скрытая, но всегда напряженная и яростная.

Борьба между Демидовыми и Татищевым разгорелась прежде всего из-за людей. Демидовы добывали рабочие руки для своих заводов, в основном обходя законные пути.

Каждый год со всех концов России стекались на демидовские заводы опальные стрельцы, волжская вольница, рекруты, раскольники, бежавшие от гонений за веру, беглые крестьяне и каторжники... Всех принимали Демидовы, не спрашивая, кто и откуда, и прятали в потайных местах. А когда зарастали бритые лбы и вытравлялись воровские клейма, определяли к горной и огненной работе.

Слухи о Демидовых, которые принимали людей вне закона, ходили по всей стране. Татищев в одном из своих донесений в Берг-коллегию сообщал, что у Демидова «выдачи беглых не бывает».

Никита и Акинфий Демидовы сманивали рабочих людей и мастеров и с казенных заводов. Шли к ним охотно, ибо платили они больше. Уже при Татищеве Акинфий Демидов сманил высокой оплатой лучших мастеров с Уктусского и Алапаевского заводов.

Потому и хирели казенные заводы, потухали домны, смолкал стук молотов, в то время как на демидовских заводах работа шла полным ходом.

«От Демидова нам остановка,— писал Татищев Берг-коллегии,— что работникам прибавливает за работу над потребностью, чего ради мы не можем здесь никакого доброго порядка учредить... Здешние (т. е. уктусские) многие хотят к нему иттить, а другие и ушли, понеже нигде принимать не смеют, а ему откуда такая вольность дана, не знаю».

На каждом шагу сталкивался горный начальник с «противностями» Акинфия Демидова. (Отец, Никита, бывал на Урале наездами.)

Демидовские заставы ловили рудознатцев и за-прещали искать руду для казны, грозя «пометать в домны».

Демидовские люди сгоняли уктусских работников с казенного рудника и увозили добытую ими руду к себе.

Демидовские солдаты «били плетью и кнутом смертельно» крестьян, нанятых по приказу горного начальника для сопровождения «железного» каравана по Чусовой. Били, приговаривая: «Не наймайся на государевы коломенки, а плавай на демидовских».

Демидовская стража выгоняла с невьянских земель посланных Татищевым геодезистов...

Акинфий Демидов не признает власти горного начальника. С татищевскими посланцами он не разговаривает, а допускает их только до приказчиков. А те, зная наставления хозяина, ведут себя нагло. Курьеру Татищера, посланному с одним из указов, приказчик Балакин заявил: «Ответа вам нет и не будет, не посылайте к нам ни за чем. Мы капитану не послушны, дела до нас ему нет, и впредь бы он к нам указов от себя не посылал, а приезжал бы сам, а его посыльщиков с указами будем держать скованными в тюрьме до хозяина».

Дерзости Акинфия Демидова похожи иногда на злые шутки. Возможно, он рассчитывал, что обида ослепит Татищева и он наделает глупостей... И тогда пропал капитан!

Но горный начальник хладнокровно ведет розыск по каждому незаконному делу Демидовых. И почти к каждому своему донесению в Берг-кол-

легию он прилагал документы, обличающие демидовские «противности».

Правда, далеко не все эти документы доходят до Петербурга. Где-то на пути между Уралом и столицей они бесследно теряются, причем часто исчезают вместе с курьером.

Чей-то тайный и зоркий глаз постоянно держит под контролем переписку горного начальника.

В конце января 1722 года Татищев выехал из Уктуза в Москву и Петербург, чтобы решить в Берг-коллегии, с Яковом Брюсом и императором разные горные дела. Сначала казалось, что все идет хорошо. Ему во многом идут навстречу. Кроме горных дел он обсуждает с Яковом Вилимовичем и с Петром свои дальнейшие исторические и географические занятия...

И вдруг — удар в спину...

Никита Демидов пожаловался самому императору, что Татищев чинит обиды и «разорение» демидовским заводам. Старик Никита выбрал удачный момент для жалобы. Совсем недавно он заслужил очередную похвалу Петра за отличное качество металла, выплавленного на Невьянском заводе. Царь специальным указом запретил употреблять в кораблестроении и для важных военных нужд железо всех других заводов, кроме демидовских. Никита Демидов блестяще справился и с поставкой дуба для кораблей...

Петр принял устную жалобу Демидова, но выслушал и Татищева. Разобрать конфликт царь поручил генералу Геннину, который руководил Олонецкими заводами. Перед Персидским походом Петр вручил Геннину свою инструкцию. Генерал посылался на Урал для «исправления железных и медных заводов». Был в инструкции и такой пункт: «Розыскать между Демидовым и Татищевым, также

В. И. Геннин

и о всем деле Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в Сенат, а также в Берг-коллегию и Нам».

Хотя Татищев не чувствовал себя виновным, но все-таки подал в Берг-коллегию доношение, в котором просил «отрешить» его от горного начальства до окончания розыска. Уже в дороге на Урал, куда он выехал вместе с Генниным и другими горными специалистами, его догнал указ: «Капитану Татищеву быть в Сибири при розыске с Демидовым у генерал-майора Геннина, а у горного начальства ему до окончания того дела быть не надлежит».

Приехав на Урал, Геннин начал следствие и вскоре убедился в несостоятельности доноса Демидова. Причину же демидовского доноса на Татищева Геннин в письме к Петру объяснил так:

«...До сего времени никто не смел ему (Демидову.— *И. Ш.*), бояся его, слова выговорить, и он здесь поворачивал как хотел.

Ему не очень мило, что Вашего величества заводы станут здесь цвель, для того, что он мог больше своего железа продавать и цену наложить как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не на Ваши. А понеже Татищев по приезде своем начал прибавливать или стараться, чтоб вновь строить Вашего величества заводы, и хотел до горной привилегии поступать о рубке лесов и обмежевывать рудные места порядочно: и то ему також было досадно и не хотел того видеть, кто б ему о том указывал...

Наипаче Татищев показался ему горд, то старик не залюбил с таким соседом жить и искал как бы его от своего рубежа выжить, понеже и деньгами он не мог Татищева укупить, чтоб Вашего величества заводам не быть...»

Поскольку Геннин считал свою поездку на Урал временной, то предлагал Петру вновь назначить Татищева горным начальником, ибо «к тому делу лучше не сыскать, как капитана Татищева. И надеюся,— писал дальше Геннин,— что Ваше величество изволите мне в том поверить, что оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги, или б чьей ради просьбы, я и сам его рожи калмыцкой не люблю, но видя его в том деле смысленна, рассудительна и прилежна...».

До решения суда Татищев оставался на Урале в качестве подследственного. Но и в таком положении он продолжал упорно работать. Он познако-

мил Вилима Геннина с горными делами и убедил его продолжить строительство нового завода на Исети.

Дело в том, что, послав в феврале 1721 года свой проект в Берг-коллегию, Татищев, не дожидаясь ответа, начал строительство. Но в мае получил неожиданный ответ: «Железных заводов до указу строить не велеть...», ибо коллегия считала, что «железных заводов везде довольно».

Стройку на Исети законсервировали. И вот теперь Геннин, убежденный Татищевым и имевший большие полномочия, решил продолжить стройку на Исети. Поскольку у нового горного начальника было много других дел, а в Татищеве он увидел человека надежного, то строительство нового завода возложил в основном на его плечи. Еще в декабре 1722 года Геннин писал Брюсу, что Татищев «здесь о всем известен и к строению заводов, и вижу его в том деле радение и искусство, того ради определил я его к тому делу до указу... Однако ж я только у строения велел быть, а не в Берг-амте сидеть...».

Так подследственный Татищев стал чем-то вроде начальника строительства и главным архитектором строящегося на Исети завода. Он же руководил многими работами...

В ноябре 1723 года завод на Исети, который в честь императрицы называли Екатеринбургским, начал работать. А еще в сентябре Геннин получил от Петра письмо, в котором тот разрешал Татищеву снова быть у горных дел, «ибо он по делу с Демидовым оказался прав...».

В конце ноября 1723 года Геннин отправил Татищева в Петербург для решения разных горных дел. Кроме того, должен был состояться «вышний суд» по делу Татищева и Демидова.

Петербург- Стокгольм- Петербург

В самом конце 1723 года Татищев приехал в Москву, а затем в Петербург. Позднее Василий Никитич вспоминал: «...взят я ко двору, где был при его величестве близ года».

С новым усердием занимался Василий Татищев уральскими делами и в старой и в новой столицах. Он атакует Берг-коллегию новыми предложениями, согласовывает новые штаты уральских заводов...

О горных делах Татищев часто беседует и с самим императором. Петр слушает его внимательно — последнее время горное дело все чаще в центре его забот. Император постоянно подгонял Геннина, требуя от него все больше и больше металла. На это добросовестный генерал отвечал: «Хотя я в трудах разорвуся, однако заводы новые, железные и медные, не могу скорее строить...» И при этом ссылался на недостаток «искусных людей в горном заводском деле».

Татищев знал об этом не хуже Геннина и пытался найти выход. Поскольку средств у казны, как всегда, не хватало, Василий Никитич составляет свой проект частной медной компании для привлечения на Урал капиталов новых промышленников. Этот проект царь «принял за благо».

Татищев подает в Сенат и Берг-коллегию и дру-

гие проекты: об организации почты, «учинении фабрики инструментов», улучшении горного управления...

В конце мая 1724 года Сенат принимает указ: по повелению императора «от артиллерии капитану Василию Татищеву быть советником от Берг-коллегии в Сибирском горном начальстве».

Но на Урал Татищев тогда так и не поехал. Снова на Каменный Пояс он попадет только через десять лет. Почему же, несмотря на сенатский указ, он не уехал в Екатеринбург?

Виноват в этом был император Петр I.

В Петербурге и Москве Татищев занимался не только горными делами. В начале 1724 года состоялся «вышний суд», который полностью оправдал Татищева. О Никите же Демидове суд постановил: за то, что «он не бил челом о своей обиде на Татищева у надлежащего суда, но, презирая указы, дерзнул его величество в неправом деле словесным прошением утруждать, вместо наказания взять штраф 30 000 рублей...». Кроме штрафа Демидовы должны возместить убытки и Татищеву.

Сумма штрафа была огромна даже для Демидовых. Петр, чтобы не отпугнуть других «охочих» к заводам людей, велел посоветоваться с Гениным... Кончилось тем, что штраф с Демидовых в пользу казны так и не был взят...

Император был рад невинности Татищева. Рад тому, что в делах оказался прав первый горный начальник и что взятка никаких не брал... Случай для того времени уникальный. Редкий из крупнейших петровских помощников, редкий из сенаторов не были замешаны в каких-либо злоупотреблениях...

Уже вскоре после приезда Василия Татищева, в январе 1724 года, перед зданием Сената вывели

на эшафот восемнадцать преступников, в основном это были люди, занимавшие крупные посты. Среди них — сам обер-фискал Нестеров, человек, в обязанность которого входило выискивать и искоренять нарушения законов, в том числе мздоимство и казнокрадство, человек, который пользовался особым доверием царя. Нестерову не просто отрубили голову, как другим, а присудили к мучительной казни — колесованию...

В последнее время Петр с неудовольствием оглядывал ряды своих приближенных. Многие, кого он долгие годы натаскивал, приучал к большим делам, не оправдали его доверия. Одни состарились, устали и думали теперь о покое. Другие, по выражению Ключевского, не столько «поддерживали» реформу, «сколько сами держались за нее».

Отношение Петра к своим старым соратникам в последние годы его жизни изменилось. И прежде всего к ближайшему помощнику и другу Александру Меншикову. Александр Данилович был, безусловно, своеобразно талантлив. Энергичен. Напорист. Смекалист. Расторопен. С полуслова понимал Петра и в делах его «поспешал» с «усердным прилежанием».

Заслуги Меншикова в петровских преобразованиях общеизвестны, хотя нередко и преувеличенны. Он участвовал почти во всех важнейших сражениях Северной войны, в боях был отважен до безрассудства. Но еще современники сомневались в его полководческом таланте.

В последние годы Петр уже не говорил «о совершенном доверии» к Меншикову. Царь грубо обругал светлейшего, когда увидел, что «прорытые под его смотрением» каналы на Васильевском острове оказались никуда не годными. Успокоившись, Петр сказал:

— Я сам виноват, да поздно понял. Сие дело не Меншикова, он не строитель, а разоритель городов.

Петр вывел Александра Даниловича из состава делегации, которая посылалась в Швецию в 1721 году в связи с заключением Ништадтского мира. Посол Кампредон приводит слова Петра: «Меншиков говорит по-немецки и, следовательно, может обнаружить перед всеми свою бездарность и наговорить глупостей, на которые он только и способен». Петр предложил вместо Меншикова адмирала Федора Апраксина: тот, «правда, не умнее его (Меншикова.— *И. Ш.*), но он, по крайней мере, говорит только по-русски, и ему дается хороший переводчик, который будет говорить за него умные вещи».

Но главным пороком Меншикова было ненасытное стяжательство. Взятки, махинации, казнокрадство... Только их перечень заполнил бы несколько страниц.

Петр штрафовал своего лучшего друга, избивал дубинкой, грозил смертной казнью — ничего не помогало. И возможно, Меншиков попал бы на плаху, если бы не смерть Петра. Впрочем, он сам создал Меншикова таким, каким тот стал...

Петр перестал доверять и многим другим своим соратникам. Последний удар императору нанесла Екатерина. Петра потрясла не только супружеская измена, но и то, что Екатерина вместе с обер-камергером Вилимом Монсом в его же доме торговала чинами и званиями, заступничеством перед императором...

С тревогой оглядывал в последний год Петр ряды своих соратников. Он требовал от сенаторов и генералов под страхом разных наказаний точного исполнения своих указов и одновременно само-

стоятельности при решении дел. Но в то же время он подавлял самостоятельность, постоянно вмешиваясь в детали и мелочи государственного управления. Петр внушал страх, который парализовывал волю и ум приближенных, и они стали больше заботиться не о самом деле, а о том, как угодить грозному монарху.

Генерал-прокурор Павел Ягужинский, которому Петр поручил контроль за Сенатом и коллегиями, с горечью отмечал: «Каждый из министров хлопочет лишь о своих личных интересах и обманывает царя как только может».

После того как «вышний суд» оправдал Татищева, Петр приблизил его к себе, ибо увидел в нем искреннего и даровитого последователя своих реформ. Увидел то, чего не мог видеть во многих других своих соратниках.

Они часто встречались в 1724 году, причем говорили не только о горных делах. Не было, пожалуй, ни одной крупной проблемы, которую император не обсуждал бы с капитаном, а затем с горным советником Василием Татищевым. В продолжение четверти века после смерти Петра Василий Никитич, занимаясь самыми разными делами, которые продолжали петровские замыслы, будет постоянно ссылаться на свои личные разговоры с императором и в большинстве случаев отнесет их к 1724 году...

По крайней мере дважды заходил у них разговор о русской географии. Дважды Петр напоминал Татищеву о поручении, данном в 1719 году,—сочинить «обстоятельную российскую географию с ландкартами». «Сего ради,—вспоминал Василий Никитич,—прилежал я принадлежащие до того книги, а особливо до географии принадлежащие истории, собрать, из которых уже большею частию

купил и двух человек студентов для помощи в латинском, французском, шведском и немецком языках принял...»

Но работа эта прервана была новым поручением Петра.

Петр для Татищева был почти образцовым монархом. Свое личное отношение к нему он выразил такими словами: «Все, что имею, чины, честь, имение и, главное над всем, разум, единственно все по милости его величества имею, ибо, если бы он меня в чужие края не посылал, к делам знатым не употреблял, а милостью не одобрял, то бы не мог ничего того получить».

И у Петра, и у Татищева был примерно один и тот же «образец» будущей России, во многом общие идеалы и общие заблуждения. Французская исследовательница биографии и творчества Татищева Симона Блан увидела даже нечто общее в их жизненной судьбе. «Татищев,— пишет она,— переживает, хотя и на ином уровне, ту же трагедию, что и его покровитель и любимый государь Петр Великий».

Однако у Василия Татищева не было слепого поклонения перед Петром. Позднее, в 1730 году, в своем «Разсуждении... о правлении государственном» он запишет: «Единому человеку великую власть над народом дать небезопасно, ибо как бы мудр, справедлив, кроток и прилежен ни был, беспогрешен и во всем достаточен быть не может».

Татищев критически относился, например, к податной реформе Петра. Торопливой и недостаточно продуманной он считал организацию Академии наук.

Татищев вспоминает такой эпизод.

«1724, как я отправился во Швецию, случилось мне быть у его величества в Летнем доме. Тогда